

Варвара Врановская

Зеленые перья

18+

Варвара Врановская

Зеленые перья. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Варвара Врановская

Зеленые перья. Сборник рассказов / Варвара Врановская —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0126-5

Когда к каждому из нас приходит осознание - возникает соблазн пожалеть о ранее сделанном выборе. Так просто решить: да, это была ошибка. И намного сложнее продолжать задавать себе вопросы - и искать не всегда простые ответы. Небольшие рассказы позволят краем глаза заглянуть в чужие судьбы: писателя на пороге "зрелого возраста", бунтующего подростка, студентки или безответно влюбленного фотографа. Увидеть мир их глазами, примерить на себя их роли - без морализаторства, без оценочных суждений. Не чтобы логически измерить - чтобы почувствовать, подходит или нет, нравится или не слишком комфортно. Ведь именно так можно понять самого себя.

ISBN 978-5-5321-0126-5

© Варвара Врановская, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Зелёные перья	5
Однажды мы повзрослеем, детка!	8
Но это ничего не меняет	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Зелёные перья

Жестяная банка, сверкая вызывающе розовыми боками, с оглушительным грохотом падает на пол. Пару раз переворачивается и замирает. Чай рассыпается по всему полу, попав и за шкаф, и за плиту. Я совершенно не представляю, как извлекать его оттуда. На шум из комнаты выходит моя жена и замирает на пороге, нахмутив белесые брови, приготовившись высказать все, что она думает о криворуких бесхозяйственных мужчинах.

В коридоре резко и немелодично начинает гавкать телефон. Но и неприятный звук, и раздраженная жена остаются на периферии моего сознания. Взгляд и мысли прикованы к жестяной банке с аляповатыми, некрасивыми птицами на боках. Хочется плакать и смеяться одновременно.

Вдруг совершенно ясно понимаю, что моя жизнь стала вот такой же вульгарной, нелепой, как эта нелепая тара, в которой почему-то хранился чай.

Почему не в красивом пакетике? Не в той изящной стеклянной банке, которую мы купили месяц назад в Икее? Почему на самой верхней полке, с которой даже мне неудобно доставать, а моей жене даже не допрыгнуть, приходится подставлять стул? В какой момент мы перестали вкладывать смысл в свои действия, когда начали действовать на автомате, против логики, против здравого смысла?

– Алёна, я давно хотел сказать тебе. Нам нужно расстаться.

Она бледнеет, лицо ее становится беспомощным.

Я понимаю, что сейчас она начнет плакать, умолять и просить, заклинать, клясться и обещать мне все, что угодно. И не потому, что за плечами у нас семь лет брака без измен и без скандалов, не потому, что она привыкла ко мне или боится, что в свои тридцать два не сможет найти другого мужчину.

Просто эта умная, привлекательная женщина все еще любит меня.

– У тебя есть другая? – она держит удар, она прекрасно владеет собой, моя мудрая, моя сдержанная жена, и я поражаюсь ее выдержке.

Если бы она только сделала шаг навстречу, схватила меня за руку и сказала: «Ты никуда от меня не денешься». Если бы не умоляла и не просила, а держала, если бы она только не поверила моим словам, а доверилась бы своим ощущениям... Я бы остался.

Но моя мудрая, моя сдержанная жена не верит в меня – не верит в мою любовь, в мою решительность, в то, что я могу стать хорошим мужем. Не «уже не верит», а не верит «до сих пор».

И в себя – тоже.

Я знаю, что Алёна в глубине души до сих пор считает себя истеричной дурочкой, никому не нужной уродиной, веря в то, что ей с детства внушала мать.

Отрываю взгляд от банки и смотрю в глаза своей жене. Красивые светло-голубые глаза с зеленоватой каймой. Кажется, я знаю о них все. От злости они становятся почти зелеными, на солнце – почти синими, а перед сном – ярко-голубыми.

Я смотрю в глаза своей жены, но вижу глаза совершенно другой женщины – по-птичьи круглые серые глаза с паволокой и с золотыми крапинками у самого зрачка.

Хочется кричать от боли. Пойми, родная, не бывает правильных и неправильных решений. Бывают люди, которые умеют или не умеют принимать решения.

Жизнь – штука, которая мало поддается прогнозу. Кроме твоей воли в ней существуют воли других людей, случайности, обстоятельства.

Есть такая лженаука – статистика. Она говорит, к примеру, что у любой семейной пары есть всего 30 % шансов стать счастливыми. Но ведь она не указывает, кто попадет в эти 30%, так почему не ты? Почему не попробовать?

Сказать ей это – дать надежду на то, что она сможет рано или поздно меня убедить, переспорить. А я смертельно устал спорить с ней. Я просто – устал.

– Я люблю другую женщину.

Самые страшные слова, которые может сказать мужчина.

Но только тогда, когда они, сами собой, срываются у меня с языка, я понимаю, что это правда.

Да, да, именно так! Именно поэтому все и пошло наперекосяк!

Я люблю другую.

Не потому, что она красивее или мудрее, не потому, что она больше мне подходит. А потому, что она подарила мне легкость, когда я не ходил по земле, а парил над ней. Потому, что тот апрель навсегда остался для меня волшебной, безумной, совершенно нереальной сказкой.

Есть на свете женщины, которые привлекают внимание своей красотой. Вот идет она по улице – и мужчины оборачиваются, улыбаются. Они одеты изящно, аккуратно причесаны, подтянуты, держат спину ровно.

Моя жена из таких. Друзья не раз говорили мне, как же мне с ней повезло.

А есть женщины другие.

На первый взгляд, в них нет ничего особенного – жидкие волосы, слишком округлый подбородок, острый нос, неидеальная кожа. И одеваются они неброско – джинсы, растянутая футболка со смешной надписью.

Но они не ходят по улицам, а танцуют, кажется, они даже не оставят следов, если пройдут босяком по песку. В их глазах – тысячи радостных смешинок, а в голове сотни милых глупостей. На таких женщин не смотрят, к ним подходят знакомиться, на них женятся на второй день после знакомства, таких до старости носят на руках.

– Почему ты не сказал раньше?

Моя милая, моя сильная, моя мудрая женщина!

Снова мне захотелось сказать тебе так много всего, слишком много... Ты думаешь, что ты умеешь отдавать. Отчасти ты права. Но лишь отчасти. Ты совершенно не умеешь брать. А потом жалуешься, что тебе никто и ничего не дает. Ты похожа на человека, который сидит в своем замке и общается со всеми через маленькое деревянное окошечко с прутьями. Ему приносят и вкусную еду, и красивые подарки – но они не пролезают сквозь прутья. И человек думает, что его никто не любит. За семь лет я так и не смог достучаться до тебя, Алёна!

– Я очень, очень люблю тебя. Я не могу без тебя жить..., – лепечет она, сама стыдясь этих слов отчего-то.

– Твоя любовь унижает меня, прости.

– Но как? Чем? Боже! Прости... Я не думала, что... Тогда и вправду – нам лучше расстаться.

Она закрывает лицо руками и начинает вдруг плакать, навзрыд, так горько, как не плакала никогда раньше. Как будто я отнял у нее всю радость.

А я все прокручивал в голове наш мысленный диалог.

Ты держишь меня на пороге – постоянно. Не пускаешь в свою жизнь, не отвечаешь на вопросы, не пытаешься решать проблемы вместе со мной. Хотя мне было бы в радость помогать тебе.

Почему вместе не решить, не подумать? Ведь я вижу мир немного с другой позиции, может, она в чем-то подойдет тебе больше, чем твоя прежняя?

Твои отношения с родителями и с братом, твоя болезнь – все это, как ты считаешь, не должно меня касаться. Ты скрываешь от меня свои заботы, свои несчастья, не желая огорчать меня.

И я постепенно отдаляюсь от тебя, становясь совершенно чужим. Более чужим, чем твои друзья, чем те девочки, с которыми ты вместе ходишь на занятия по танцам. Посмотри, кем я

стал теперь. Грелкой для твоей кровати? Курьером для доставки продуктов из магазина? Кто я тебе, родная?

– Алёна, посмотри на меня, – она смотрит. – Мне действительно от тебя уже ничего не нужно. От слова "совсем". Я не собираюсь ни менять тебя под себя, ни заставлять тебя делать то, чего тебе не хочется. Для этого я слишком уважаю и себя, и тебя. Ты не можешь дать мне то, что мне нужно. Прости. Я понял это совсем недавно.

Мне надоело чувствовать себя садистом. Ты постоянно повторяешь, что ради меня бросила пение, реже встречаешься с друзьями, стала стесняться носить брюки и надеваешь нелюбимые тобой юбки.

– Я все исправлю, мы исправим, мы сможем... останься. У нас же все было хорошо! Куда ты поедешь? Ты же оставил свою квартиру маме. Я не гоню тебя.

Останься... какое заманчивое предложение. Ничего не менять, ничего не решать. Стабильность и покой. Что значит останься?

Останься – это значит предать самого себя.

Снова с тоской смотреть на нелепую банку с рассыпавшимся чаем и, бросая взгляд на жену, вспоминать совсем другую женщину.

Что значит останься?

Забыть, что значит валяться на свежескошенной траве, в парке посреди города. Что значит терять голову от одного поцелуя.

Знаешь, о чем я подумал? Что я буду вспоминать, если мне случится умереть прямо сейчас? Ни наши с тобой походы по музеям и театрам, ни посиделки в кафе. А то как я впервые встретил ЕЕ.

Мы договаривались о встрече по телефону, я ужасно нервничал. Боялся, что не узнаю ее в толпе посреди вокзала. «Узнаешь, обязательно узнаешь. У меня на голове будут зеленые перья». В каком смысле? – подумалось мне, но я так и не решился спросить. А когда я поднялся по эскалатору наверх, с бешено колотящимся сердцем, то увидел девушку с длинными волосами и с резинками в волосах, в которые были вплетены зеленые перья. Чудо, маленькое чудо посреди большого, скучного, серого города. Моя персональная сказка.

Моя жена все говорит и говорит, сбивчиво и невнятно, но я почти не слышу ее. Мольбы и упреки не значат уже ничего.

– Чего не хватает тебе? Что такого способна дать тебе она, чего не могу дать я? – спрашивает она, наконец.

– Радость, – не задумываясь, отвечаю я.

Алёна замолкает. Решительно и строго смотрит на меня в последний раз. Исчезает в комнате, возвращается с ключами.

– Ты всегда можешь вернуться, помни об этом.

Вот так.

Не «я хочу, чтобы ты вернулся», не «я буду ждать». Она всегда считала эмоции непротертой слабостью.

Пока я собираю чемодан, пока открываю дверь – она смотрит на меня тем же пронзительным, тоскливым взглядом. Осуждающим и молящим одновременно. На пороге квартиры я очень внимательно всматриваюсь в ее красивое, еще совсем молодое лицо, как будто сравнивая этих двух женщин – ту, которую я люблю и ту, от которой уйду.

У них нет совершенно ничего общего.

И тем не менее это одна и та же женщина, просто с разницей в семь лет. Семь лет совместной жизни.

Я молча захлопнул дверь, чтобы никогда больше не возвращаться. Я знал, что это – единственный способ сохранить мою любовь к Алёнке, сохранить мою веру в самую упоительную апрельскую сказку.

Однажды мы повзрослеем, детка!

– Однажды мы повзрослеем, – сказала Дженни, болтая ногами над краем пропасти.

На самом деле, пропасть была невысокая, ведь мы сидели на крыше типовой девятиэтажки, наслаждались первыми теплыми днями запоздалой весны.

Есть люди, занимающиеся промышленным альпинизмом, я читала блоги тех, любит экстремальные виды спорта, вроде прыжков на тарзанке с небоскребов.

Но на мой неприятный вкус именно мы и сидели под самым небом. Облака казались такими близкими, что руку протянешь – коснешься, машины внизу такими маленькими, что наступишь – раздавишь.

А людей в нашем маленьком мире между небом и землей не было вообще. Ни единого человека: ни родителей, которые заставляли бы постоянно делать уроки, ни училки по истории города, называвшей девочек «барышнями» и утверждавшей, что носить джинсы – это некрасиво и неженственно.

Мы могли делать все, что угодно – курить купленную в ближайшем ларьке Оптиму, материться и плевать вниз, на чисто выметенный тротуар и головы прохожих.

Мне хотелось поделиться своими наблюдениями с Женькой, но я боялась показаться неопытной, ведь это был всего третий раз, когда я залезла на крышу. Коленки подрагивали, голова кружилась, и я крепче стискивала сигарету, боясь выдать свое состояние. Боясь показаться смешной, неинтересной, оказаться ненужной... Ненужной этому невероятному, поразительному, потрясающему существу, вобравшему в себя все то, чего мне так не хватало в жизни: дух странствий, свободу и легкость.

– Повзрослеем? Что ты имеешь виду? – знаю, что Женька терпеть не может ни когда я хмурюсь, ни когда разговариваю так серьезно. И все равно ничего не могу с собой поделать. В тот момент кажется таким важным – понять, уловить, почувствовать. Важнее всего остального. И даже Женькиного расположения важнее.

– Ну как же, – она не сердится, беспечно поправляет волосы и запрокидывает голову наверх, не глядя на меня. У нее острые коленки и острый подбородок. Красиво. – Когда-нибудь на одной из дискотек или возле дома ты познакомишься с парнем, он тебе очень понравится, ты пойдешь с ним на свидание. Он расскажет тебе про свой мотоцикл, пригласит на рок-концерт, и ты влюбишься в него. Очень, очень постепенно, сама не заметишь, как это произойдет. Раз в неделю, два, свидания, секс. И начнешь меняться ради него, под него. Естественно, он не станет чего-то требовать, просто просить: «ведь ты же не станешь надевать такую короткую юбку, все будут пялиться, мне будет неприятно». К примеру. Не обязательно так. И ты перестанешь носить короткие юбки, ярко краситься и красить волосы в черный цвет. Через год, два, десять – ты изменишься. И даже будешь считать, что счастлива. В уютном, тихом мире домашнего уюту. В болоте.

– Дженни... – негодующие вскрикиваю я, пытаюсь схватить ее за руку, но она отдергивает руку и нервно смеется.

– Ага, сейчас ты скажешь, что «ты никогда» и «зачем тогда взрослеть». Вы все так говорите. Мы так говорим. А потом наступают эти заветные пятнадцать лет, гормоны и все.

До боли закусываю нижнюю губу, чтобы не разреветься. Как она смеет говорить такое! Я неплохо знаю саму себя, мне приходилось и встречаться с кем-то, и... Но как можно променять саму себя, свои мечты на это. Невероятно. Это как сдаться, раз и навсегда признать, что они все были правы, а ты – нет.

Права была мама, когда забрала меня из музыкальной школы. «Ты все равно никогда не станешь великим музыкантом. Этим себе на хлеб не заработаешь. Поэтому ты должна хорошо учиться». Прав отец, который запрещал мне гулять с Женькой, уверяя, что в жизни есть куда

более важные занятия, чем «шатание по подворотням». Права директриса, которая хотела исключить из школы только потому, что я слишком много прогуливаю. Но ведь без музыки, без Женьки и без школы моя жизнь просто невозможно. Я задохнусь, как выброшенная на песок рыба. Даже хуже! Эволюционирую в лягушку, одну из тех лягушек, которые живут только работой и домашними делами, пикниками по выходным «для галочки» и разговорами о мужиках, болячках и погоде. Умереть и то лучше!

– Тогда я покончу жизнь самоубийством. Рано или поздно. Лучше рано. Чтобы презирать себя меньше.

Дженни отводит взгляд от неба и впервые за время разговора поворачивается ко мне. Глаза ее блестят очень нехорошо. Узнаю этот блеск. Так было, когда Женька на спор украла из кабинета директора деньги. И когда она до полусмерти избивала одного мальчишку, который назвал ее шлюхой. Этот блеск не просто недобрый, он... страшный. Он означает, что сейчас Женька станет делать то, что ей совершенно не хочется делать, но что она считает... долгом, необходимостью? В такие моменты она как будто сама разрушает себя изнутри. Не проверяет на прочность, не испытывает. Ломает и режет.

Женя вскакивает на ноги и делает шаг вперед, оказываясь на самом краю. Идет вперед, расставив руки и не глядя вниз. Она безотрывно смотрит на меня. А под ногами у нее – бездонная пропасть.

Я чувствую, как немеют мои пальцы, как сердце начинает биться отчаянно и болезненно, но не делаю ни единого движения. С одной стороны, боюсь по неосторожности толкнуть Женьку, с другой – знаю, что она проверяется меня на слабость. Стоит мне дернуться вперед, пытаясь помочь, стоит показать, что я за нее волнуюсь, и дружбе конец. Никаких телячьих нежностей, никакой демонстрации своей привязанности. «Я не кисейная барышня». Ответ на любой вопрос. Ответ без ответа. Нет, я не считаю ее слабой. Но попробуй докажи что-то этой упрямце.

Зубы начинают отбивать чечетку, а мир плывет перед глазами. И вот уже лечу в пропасть, не успевая понять, что же, собственно, произошло. Лечу очень медленно, как в замедленной съемке, успеваю осознать весь ужас происходящего.

Я пришла в себя от поцелуя. От настоящего, чувственного поцелуя в губы. Неуклюжего, липкого, со вкусом корицы. Корица. Коричная жвачка. Ее привозит из командировок из Шта-тов мать Женьки. Женька. Дженни... Я впилась в ее губы жадно, будто тонула в море и пыталась впитать в себя хоть малую крупицу кислорода. И в голове – ни единой мысли. Только жадность, только хищное нетерпение. Еще, еще, еще!

Она отстранилась. Осторожно, но решительно. И в этой осторожности – столько заботы обо мне, что мне хотелось плакать, на этот раз от восторга. И столько решительности, что я вдруг поняла: я для Женьки почти ничего не значу.

– Однажды мы повзрослеем, детка, – она улыбалась так горько, что я ощутила эту горечь на своих губах. Протухшую горечь испортившейся пищи. – Это я познакомлюсь с парнем в одном из баров, я стану с ним встречаться. Понимаешь? Не ты, а я.

– Но зачем?

– Мне это нужно, – она с отвращением передернула плечами.

– Больше, чем... дружба? Но, ведь даже если ты не изменишься, даже если он не станет ничего просить или требовать... Это будут отношения, замешанные на сексе, он никогда не будет тебя по-настоящему понимать, стремиться узнать твои мотивы. Никогда не спросит, чем именно тебе понравился тот или иной фильм. Он станет ценить в тебе внешнее, твою оболочку. А это то же самое, что никогда не раскрыть бархатную коробочку, в которой лежит бриллиант в миллион карат. Понимаешь?

– Естественно. Чего ты сейчас добиваешься? Чтобы я соврала тебе? Мне совсем не хочется этого делать. Просто если однажды встанет выбор, дружба или любовь, то я выберу любовь.

– И я, наверно, тоже, – шепнула я тихо-тихо, но Дженни услышала.

И мне показалось, что именно в этот момент в ее глазах погасла привычная задорная искра. Женя серьезно кивнула, неловко поднялась, машинально одернула сарафан.

Я встала тоже. Я понимала – разговор закончен. Прогулка закончена. Пора по домам. И будет вкусный мамин обед из трех блюд, и будет математика с папой до позднего вечера, уборка в комнате, чистка зубов. Та повседневность, с которой у меня так и не получилось смириться. И если раньше меня поддерживали мысли о Жене, то теперь я знала, что они перестанут быть панацеей от всех бед, спасительной таблеткой от грусти, одиночества и общей бессмысленности. И если нам всем суждено стать «нормальными взрослыми», надевать колготки под строгие юбки-карандаши, перестать красить волосы и начать «думать о деле», то какая разница, случится это чуть раньше или чуть позднее.

Лучше раньше. Чтобы нечего было вспоминать и не по чему было тосковать. Чтобы не строить иллюзий, которым будет суждено разбиться.

Но я – не умею. Не умею жить по правилам и носить юбки-карандаши, не умею подчиняться обстоятельствам. Всю жизнь бороться, как все великие реформаторы? Как Коперник. Как Жанна Дарк. И как та знаменитая американка, которая боролась за права афроамериканцев. Не самая веселая жизнь, знаю. Мне вообще не нравится бороться. Не знаю таких людей, которым бы нравилось. Но если альтернатива только одна – повзрослеть, то уж лучше бороться.

– Я никогда не сдамся. И ты не сдашься тоже, – схватила Женю за руку, решила. – Мы сможем, слышишь?

– Да, детка, может быть, и сможем, – она неуверенно улыбнулась и сжала мою ладонь.

«Детка». Это единственное нежное слово, которое Дженни признавала. И уже по одному этому слову я поняла, что ошиблась, что мною дорожат, что во мне нуждаются. Уверенная в себе, ничего на свете не боящаяся Женя нуждалась во мне. И от этой мысли стало удивительно спокойно.

Равновесие в мире было восстановлено, небо больше не грозило рухнуть на землю.

Девять лет спустя, наткнувшись на фотографию в одной из социальных сетей, я долго не могу понять, кого напоминает мне эта молодая женщина.

Короткая стильная стрижка, дорогое свадебное платье (и почему все женщины ставят на аватарки свадебные фотографии, будто стремятся подчеркнуть свою востребованность, что их выбрали, что они состоялись как самки), альбомы с названиями «Тунис», «Турция» и «Наша семья».

Мне отчаянно хочется закрыть страничку прежде, чем успею понять, чем она отличается от сотен подобных.

Не успеваю.

И за фотографией вдруг оживает совсем другой человек – задорная девчонка с копной рыжих волос, так похожих на лисий хвост, смеющаяся громко и несдержанно, любящая красть ручки из магазинов и рисовать карикатуры на одноклассников.

Руки сами собой тянутся к клавиатуре, чтобы написать сообщение. Страниц на пять, никак не меньше. Ведь мне нужно рассказать ей столько всего...

Но я замираю, так и не набрав ни строчки. Как зачарованная, раз за разом пролистываю фотографии, с которых улыбается совершенно счастливая женщина, получая какое-то садистское удовольствие.

Женя добилаь всего того, о чем только могла мечтать девочка, росшая без родителей: своя квартира, любящий (действительно любящий!) муж, собака и престижная, творческая работа. Может, она даже не растеряла былую легкость. И уж точно не стала домашней клушей.

А что есть у меня?

Съемная квартира в доме, похожем на муравейник, непостоянный заработок и полное отсутствие личной жизни.

И все же... мне до безумия жаль эту красивую женщину на аватарке.

Мне всегда казалось, что кто-то, а уж Дженни обязательно станет особенной. Мировой знаменитостью, никак не меньше. Объездит автостопом полмира, вернется, загоревшая, исхудавшая, покрытая бронзовым загаром, и напишет книгу о своих приключениях. Или даже фильм снимет. И все станут смотреть на нее, белозубую и беспечную, и восхищаться. Не смогут не восхищаться.

Интересно, знает ли ее муж, что Дженни любит ночью гулять по кладбищам и собирать букеты из могильных цветов? Что ей нравится купаться в Неве и разглядывать руки стариков?

Не может перестать нравиться. Такие вещи не проходят за всю жизнь, даже если перестаешь их делать.

Нет, конечно, он не знает.

Да и сложно представить себе эту женщину лезущей через забор. Только не с таким безупречным маникюром, не в светлых бриджах и не в отглаженной блузочке.

И, давась слезами и воспоминаниями, я шепчу. Не этой девушке на фото, с самым обычным именем и ничем не примечательной фамилией. А той, другой, которой она могла бы стать, сложить все чуточку иначе. Шепчу бессвязные извинения за то, что соврала ей когда-то. За то, что поняла это только спустя много лет. И пусть нет никакого «мы», даже призрачного, я могу продолжать бороться за «я» и за тот солнечный день на крыше. За все то, что успела мне дать самая необычная девчонка на свете.

Нет, Дженни, детка, нам вовсе не обязательно взростеть.

Но это ничего не меняет

– Скажи, а ты до сих пор любишь меня?

– Люблю. Но это ничего не меняет. Ни в моей жизни, ни в наших с тобой отношениях.

Холодно. На улице такой мороз, который называют лютым. Если выйти без перчаток, пальцы начинает ломить минут через пять, до слез просто. Я точно знаю – иду как раз без них. Выходя из дома, помыслить не мог, что после бесснежного слякотного начала зимы под самый Новый Год могут ударить такие морозы. Но даже не подумал вернуться, в голове только одна мысль – надо зайти на почту купить конвертов. Закончились, зараза. Как раз тогда, когда пришло время писать тебе письмо.

Знаешь, для меня давно наша переписка стала как бутылка водки для запойного алкоголика: умом понимаю, что делать этого не нужно, а руки сами тянутся. Что же управляет ими? Животный инстинкт, чертова физиология или та самая мистическая «душа», о которой так много говорят, но которой на самом деле не существует?

Когда с утра приходит твое письмо, я чувствую радостное возбуждение, будто получил желанный подарок или выиграл приз. Весь день мне до того радостно, что прямо лихорадит. Напоминаю со стороны слегка поддатого – руками размахиваю, говорю громко, а глаза блестят, нехорошо так блестят. Это мне друзья сказали, сам бы и не подумал обратить внимание на свой внешний вид.

Они переживают за меня, они давно смирились, что ничего не могут поделать с моей «болезнью». Нет, первый год как-то убеждали, старались. Чуть ли не по рукам и ногам держали. «Оставь ее в покое, у нее уже другая жизнь. Дай человеку жить без тебя, отдохнуть». «Подумай, а если вашу переписку прочитает её муж? Он человек строгих правил, скандала не избежать. Этого ли ты хочешь для дорогой тебе женщины?». «Максим, хватит, нужно жить дальше, а не унижаться, как тряпка, расстилаясь перед ней».

Нет, я не тряпка и все-все понимаю. Профессия у меня такая – всех понимать и спасать, проявляя стойкость. Лечить, даже против воли. А вот тут ничего поделать не могу, прямо сапожник без сапог. Как будто в этих письмах заключен весь стержень моей жизни.

Нет, первые полгода после расставания я держался, не давал знать о себе ни звонком, ни письмом. Но это были страшные полгода. Бессмысленные, безжизненные. Хотя есть ли смысл теперь?

Я вот неделю назад с девушкой расстался, полтора года вместе душа в душу. Расстался ради другой, которая настойчивей оказалась, ласковей. Мой друг, Лешка Петров, с которым в детстве еще вместе в одном дворе в футбол играли, очень удивился, сказал, что считал меня человеком серьезным и ответственным. Спросил, как я так могу. Ну я ему честно и выдал: «Если наличие в жизни любви, единственной, настоящей, ничего не меняет и не помогает быть вместе, то какая вообще разница, кто с тобой рядом находится?». Лешка не ответил ничего. Эту твою фразу я ему уже говорил.

Знаешь, есть такие фанатики, которые с господом разговаривают и не мыслят свою жизнь без этого. Пост строгий соблюдают, женщин не знают, спят почти на голой земле. И утверждают, что без этого не могут, что жизнь теряет смысл. Наверно, я неверующий потому, что врач. Или врачом стал в силу того, что не верил. Да и как тут в душу верить, в высокое и творческое, когда ты подобие божие скальпелем вдоль и поперек кромсаешь, внутрь заглядываешь. Ну нет нам никакого резервуара для души, и самой души тоже нет. Только стандартный набор для всех: печень, почки, селезенка. До безобразия похожие друг на друга, только поражены разными болезнями.

Может, и эта мистическая «душа» – всего лишь различные психические заболевания, для каждого свои, поэтому уникальные? Чего только не придумает наш бедный мозг, который мы всего на десять процентов используем! Тратит и тратит оставшиеся девяносто на производство сказок.

А раз у меня эта функция отключена, то она заменяется другой. Ты у меня (как бы помягче сказать, а то звучит нелепо!) вместо бога. Я год за годом мысленно с тобой разговариваю, иногда всю ночь, советуюсь. Представляешь, даже легче становится. Намного легче. Только невозможно так в стенку головой долбиться (вот некоторые в закрытую дверь любят, а в моем случае и двери-то нет, одна стена, и та каменная и крепкая). Вот и нужна мне иллюзия общения. Письма. Нет, в них я не пишу и тысячной доли того, что в голове прокручиваю. Но все равно легче, легче.

А что сложного, спросишь ты. Живи себе и живи. Квартира есть, работа (любимая работа, прошу заметить, и даже прибыльная). Вот только мир будто потерял прежнюю целостность. Как просто было раньше! Научные знания связали все в одно, получилось красиво так. Кристаллическая решетка мира, кости и сухожилия реальности. И над причинами не задумывался особо. В школе учился, чтобы маму порадовать, делал уроки, чтобы погулять сходить, потом работал, чтобы на мопед заработать. И все было в радость – учение, уроки, жизнь. Вещи радовали, и люди. Я не знаю, когда стало иначе. Не могу отследить этот момент.

Это так странно – я привык все раскладывать по полочкам, анализировать, поступать по уму. А сейчас все чувства под контролем, радоваться бы, а нет.

У всех людей есть любимые фразы, которые въелись в плоть и кровь. Тот же Леха написал у себя дома на стене (а ведь ему уже давным-давно не пятнадцать лет!) цитату из фильма «Константин»: «Всегда есть подвох». Хотя это вовсе не означает, что он пессимист, веселый такой парень, душа компании. Просто живет по принципу: верить в лучшее – готовиться к худшему. А для меня фразой жизни стали твои слова, будто ножом на сердце вырезанные. Как смертный приговор всем надеждам, желаниям, ожиданиям.

Я помню тот злополучный две тысячи девятый. Зимой стоял такой же холод, что и сейчас, не спасали ни теплое пальто, ни меховые ботинки. Кончики волос покрывались белым, отчего казались седыми. А я гулял и гулял, наворачивая круги по парку, бился раненым зверем о прутья неподатливой реальности. И хотелось расцарапать себе грудь и вырвать сердце. Так было больно. Все в жизни было как-то неправильно и не то. Казалось, что работа, походы по магазинам и встречи с друзьями – это единственное, что есть в этой дурацкой жизни. А мне хотелось большего, но я сам и не знал, чего.

А тебе самой отчего все еще грустно? Это ведь неправда, что чувства ко мне ничего в твоей жизни не поменяли. Иначе бы ты не грустила. Вчера я видел твои фотографии, на них ты улыбаешься. Значит, все уже совсем паршиво. Я до сих пор прекрасно чувствую твое настроение, даже на расстоянии.

Мне до сих пор не хватает тебя и, наверное, будет не хватать всегда. Это как боль в руке, которой уже нет. Фантомная боль в сердце. Хотя у меня и по твоим словам, и по моему собственному убеждению, нет сердца, так чему там болеть?

Знаешь, милая, я и вправду совершенно аморальное существо. Ни убийства, ни зверства не пугают меня, не кажутся недопустимыми средствами. Я не осуждаю ни разврат, ни насилие. Вот только считаю их неприемлемыми для здоровой психики (но это отдельный разговор). Войны, голод, – все это закономерные этапы развития истории, и мне не жаль ни калек, ни нищих, ни умирающих от голода. Но при этом не было на свете ничего больнее тех моментов, когда ты плакала. И я готов был сделать что угодно, чтобы ты больше не расстраивалась.

Ты никогда не слышала об этом от меня (и никогда не услышишь, даже в письмах, зачем?). Но я всегда рвал душу на части, лишь бы ты не плакала. Шел на какие угодно жертвы, терял самых близких людей, поступался принципами. И все это – молча, без пафоса. Чтобы ты

не знала об этих жертвах. Твой покой... ничего не было на свете дороже. И я улыбался, когда внутри бушевал бешеный ураган.

Теперь нет тебя, нет причины все ломать и рушить. В моей жизни все действительно хорошо: гармония с собой, дорогая мне женщина, друзья. Но нет тебя, тебя, тебя...

У меня никогда и не было тебя по-настоящему. Сначала у тебя был жених, потом ты долго привыкала ко мне, потом были твои страхи. А я никогда не мог обнять тебя прилюдно, о поцелуях речи даже не шло. Ты любила своих родителей, друзей, своих учеников и даже свою кошку. Вальсы, музыку в стиле фолк, исторические платья, синий цвет, дождь... и меня. Где-то в середине этого списка. Я задыхался без тебя, не смея попросить, я так мечтал однажды стать самым главным человеком твоей жизни. Пусть не возлюбленным, но братом, другом, ручным зверем... Я – аморальный, бессердечный, жестокий. А ты, нежная, чуткая, хрупкая... умела ли ты любить вообще?

Мне не за что прощать тебя – ты любила как умела и была той, кто ты есть. Мне не за что просить прощения – наш разрыв оказался для тебя желанной свободой. Нам не к чему возвращаться, нечего вспоминать. Вместе мы были несчастны. Мы квиты, любовь моя, давно квиты, по всем статьям. И все же, знаешь, я ни к кому не испытывал такого трепета, как к тебе.

Знаешь, милая, ты ведь навсегда останешься моей. У меня есть на тебя только одно единственное право. И это право называть тебя «своей» по тому принципу, что я могу продолжать любить тебя. Моя боль, мое наваждение, мой смысл. Не так важно, что ты делаешь или говоришь. И неважно, отвечаешь ли ты взаимностью. Это даже может не иметь для тебя значения, но в моей жизни это многое меняет. Многое, если не все. Любовь вообще все всегда меняет. А если не меняет – то это уже не любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.